

О любви неистинной.

Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей, потому что всё, что в мире: похоть плоти, похоть взора и гордость житейская, не от Отца, а от этого мира. И мир прейдёт, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребудет вовек. Иоанн 1, 2:15

Себялюбие — это несовершенное и невозможное состояние человека, в котором самолюбие превращается в эгоизм и нарциссизм, и которое преодолевается лишь любовью к другому человеку. Любовь — это соединение я и ты, мост, на котором встречаются части одного целого, называемого мы, человечество, общество, Бог. Вопреки широко распространённому предубеждению, государства не объединяют, а разъединяют людей, потому что они являются образом и подобием себялюбивого я, а не мы. Государство — это болезненный психический комплекс, вырастающий из непреодоленной инфантильности, бескомпромиссно заявляющей: «L'État c'est», «Государство — это я», я и только я, и никто другой. Государства разделяют людей и противопоставляют их друг другу, насаждая ложные представления о них самих и о природе их обществ. Реальный образ [царства] сатаны — διάβολος — это ООН, в котором человечество сегодня разделено на 193 государства. Слово любовь происходит от любо(й), друг(ой), а слово государство — от господин и удар, что заканчивается битьём и убийством. Как писал Апостол Павел, любовь терпелива, милосердна, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не

радуется неправде, а радуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не прекратится, в отличие от государств, основанных на насилии, наказании, и страхе. Государства являются античеловеческим нонсенсом, средоточием человеко-ненавистничества и отрицания человеческой богоподобности, свободы воли, творчества, цели. По Филону, только душам, видящим цель [пути] в уподоблении породившему их Богу, можно приближаться [к Нему] (διότι μόναις ψυχαῖς θέμις προσέρχεσθαι τέλος ἡγουμέναις τὴν πρὸς τὸν γεννήσαντα θεὸν ἔξομοίωσιν). Именно поэтому ближе всех к Богу люди не от мира сего, конечно не в прямом, а в переносном смысле, в ситуации, когда мудрость мира сего обратилась в безумие, а безумие стало почитаться как мудрость. В коллективном безумии государственности исчезает способность рассуждать здравомысленно, а здравомыслие — ὀρθὸς λόγος — и мудрствование — φιλοσοφία — становятся преступлением, покушением на единомыслие. Человек, созданный по образу, т.е. по замыслу Бога, является малым телом — подобием Божественной полноты, завершённости, совершенства, всеобъемлемости, а его разум — λογισμός — образом и подобием вселенской души, Божественного разума — Ἀεῖος λόγος. Как Бог творит видимое многообразие, разделяя вселенское пространство на части, так и человеческий разум действует как λόγος τομεύς — разделяющий логос, посредством чего открывается истина, общая для всех людей и объединяющая их. Ум рассуждает, разделяет между истиной и неистинной, между добром и злом, чтобы на пути рассуждения достигнуть его цели — познания своего прообраза — Бога.

Российская империя была первым прототипом единения разных народов вместо разделения их на национальные государства, СССР продолжил эту традицию, хотя уже в испорченном виде, а нынешние „независимые государства“ полностью с этой традицией порвали, став такими же прорехами на теле человечества, как и прочие государства. Государства подобны анти-звёздам — чёрным дырам, остающимся на пепелище космического горения в качестве воплощённых желудков, поглощающих материю и свет. Будучи поглощены государствами, люди лишаются образа любви Божеской, и им остаются лишь плотские её образцы, а инфантилизм, сохраняющийся после младенчества, перерождается в каннибализм и некроманию. Но в ещё большей мере подмена любви на каннибализм относится к городам-киллионерам: если Чаадаев называл Москву Некрополем, то сейчас она превратилась в некроманта — пожирателя людей. Неизбежность такого превращения — результат отвращения от человеческой цели — любви, которая и есть Бог, истина.

Когда кто-нибудь начинает разглагольствовать о главенстве права и государственности над людьми, пытаясь оправдать собственные помыслы, покушаясь тем самым на права Верховного Законодателя, то следует спросить, о каком или точнее говоря о чьём праве идёт речь. Ведь от ответа на этот вопрос зависит и оценка правомерности того или иного деяния. Если закон устанавливается людьми, а именно теми, кто его применяет и посредством него оправдывает собственные деяния, то его правомерность ограничивается рамками человеческого понимания права. Пример такого понимания — законы пророка Моисея, по образу и подобию которых до сих пор пишутся и издаются законы. Однако их правомерность и действенность проверяется в системе того, что нынче

называется законами природы, и что прежде относилось к сфере Божеского, т.е. божественного установления начиная с сотворения мира, и усомниться в таких установлениях считалось безумием как всякие попытки поколебать основы мироздания. Поэтому всякая система права как система межличностных взаимоотношений, чтобы быть оправданной и правомерной, должна исходить из знания устройства мира в целом, частью которого являются люди и их общества. Именно поэтому Ветхий завет начинается с повествования о сотворении мира и человека от имени их Творца. Однако в этой картине мира отсутствовало творческое начало всякого творения — отбор. Если бы не было отбора, то не было бы ни яблок, ни хлеба, ни молока, ни коров, да и самих людей не было бы, если бы среди них не происходил отбор лучших. Представление об этом появляется лишь в Новом завете в лице Иисуса Христа и верующих в него праведников, а в конце всех времён лучшее побеждает худшее, как написано: снизойдут Ангелы на землю и соберут злых из среды праведных для наказания их вечной погибелью ...

Демократия не предполагает такого исхода, поскольку в демократическом государстве отменяется эволюция путём всеобщего уравнивания в правах, определяемых в системе демократических заблуждений, результатом чего является всеобщее безбожие. Демократическое предубеждение приводит к фикциям о коллективном интеллекте, будь то посредством всеобщих выборов в демократических государствах или в социальных сетях посредством likes, вплоть до молекулярного уровня, где его конечно нет, потому что интеллект или разум является эпифеноменом телесного, т.е. синтезом различных форм и уровней движения, как вещественным, так и довещественным, являющимся онтологическим основанием бытия.

Переход от безрассудной онтологии к человеческому рассудку возможен лишь посредством естественного отбора среди различных форм существования, из которых и выбирается лучшее, истинное. Этот процесс является причиной знания и познания: Верой становится то, что верно, истинно.

Революции на Руси прервали эволюцию два раза за один век: первый раз в феврале 1917-го года, второй раз — в 1991–1993 годах. Эти революции коллективно (в том числе стараниями православных церковников) разрушили веру в Бога и в человека, и на развалинах ничего не создали, в результате чего люди, подобные Климу Самгину, оказались не у дел, лишними и чужими в своём отечестве, как были лишними и чужими — не от мира сего — Иисус Христос, Пушкин, Лермонтов, Гоголь и им подобные.

Называя интеллигенцию гнилой подразумевали её негодность для реального дела, для творчества нового, встроенность её целиком в порядок, ненавистный своей архаичностью, неизменяемостью. В этом ругательстве проглядели неиспользованный потенциал людей, созревших для реальных дел, но не для дел мира сего, чем опять стало государственное строительство. Лишь освобождение людей от бесов государственности и демократии, а вместе с ними от болезненной самонадеянности и самодеятельности может вернуть их на путь истинный.